

**В СЕРИИ «ВОЛЧИЙ МИР»
ВЫШЛИ КНИГИ:**

ВОЛЧИЙ ОТРЯД
ВОЛЧЬЯ СОТНЯ
ВОЛЧЬЯ ПРАВДА
ВОЛЧЬЯ ИМПЕРИЯ

Дмитрий Даль

ВОЛЧИЙ ОТРЯД

T8 RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2)
Д15

Волчий мир

Даль Д.

Д15 Волчий отряд / Д. Даль – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2019. – 260 с. – (Волчий мир).

ISBN 978-5-521-73636-2

Мир Лоскутных государств, где средневековые встретилось с новыми технологиями. Здесь звенят мечи и звучат выстрелы. Сергею Одинцову предстоит пройти путь от раба-гладиатора до государя-варвара, создать Империю, и вернуть утраченные знания и былое величие...

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2)
BIC FLC
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-73636-2

© Дмитрий Даль, 2011
© Т8 RUGRAM, оформление, 2019

Когда клубится страх крошечный
и тьму пронзает лай погонь, благо-
словен любой, посмевающий не задувать
в себе огонь.

Игорь Губерман

Глава 1 ЗАПАДНЯ

Пахло жутко. Чем-то гнилым, отсыревшим и плесневелым.

Сергей Одинцов с трудом разлепил глаза и ничего не увидел. Но вскоре глаза привыкли к сумраку, и он обнаружил, что находится в каком-то темном тесном помещении шагов десять в длину и столько же в ширину. Нависающий над головой потолок, с которого равномерно капала холодная ржавая вода. Кирпичная кладка стены, узкое окно, забранное решеткой. За ним темнота. И деревянные нары, покрытые какой-то дерюгой, а на этих нарах он сам и лежит. Вот так ход конем. К этому он явно не был готов.

И как он здесь оказался?

Сергея приподнялся на локтях и сел на нарах. Беглый осмотр ничего не дал. Сам вроде цел. Хотя все тело болит, словно предыдущие несколько дней он провел на каменоломне. Рубашка в дырах, штаны грязные. Да, ничего не скажешь — положеньице. И где он так успел наприключаться. Попытка вспомнить ни к чему не привела. Кажется, память отшибло начисто, видно, одним из тех крепких ударов, чей след остался на рубашке. И впрямь ему удалось разглядеть на плотной ткани рифленый отпечаток чьей-то подошвы.

Ничего, память вернется. В свое время. Сейчас надо решить, как отсюда выбраться. Явно каникулы в каземате ничего хорошего не предвещали.

Сергей поднялся, добрал до дверной решетки, вцепился в нее как утопающий и попробовал выглянуть наружу. Даже

голову попытался протиснуть сквозь прутья. Впрочем, безуспешно.

Все, что ему удалось разглядеть, это темные камеры напротив и слабо шевелящиеся тени внутри них. Теперь стало ясно, что камеры обитаемы. Вдали справа виднелся коридор, единственное освещенное место. Но до него далеко, и людей не видно. Да, негусто. Можно было крикнуть, позвать кого-нибудь из живых, но отчего-то Сергею не хотелось это делать. Ему очень не нравились эти тени в камерах напротив. Мало ли кто там прячется. Может, какие бандюки, а может, и монстры, пожирающие людей заживо, как в голливудских блокбастерах. В свое время он пересмотрел их большое количество.

Одинцов вернулся на нары, забрался на них с ногами, обхватил руками колени, скрючился и задумался. В этой позе ему всегда мыслилось лучше. Правда, заниматься мыслительным процессом на больную голову очень сомнительное удовольствие. Но другого выхода не было. Чтобы понять, как выбраться из этой западни, надо сначала разобраться, как он сюда угодил.

Посидеть, подумать ему толком не дали. За дверной решеткой слышались тихие шаги, скорее и не шаги вовсе, а старческое шарканье. В первую секунду Серега подумал, что это тени из соседних камер выбрались на свободу и теперь ищут, чем бы можно было поживиться. Каким-нибудь сладким мясом. Чего только в голову не придет!

В коридоре между камерами показалась невысокая согбенная фигура. Она застыла напротив его номера. Серега тут же почувствовал чужой изучающий взгляд. И вскоре раздался противный скрипучий голос:

— О! Очнулся болезный. Сейчас пошамкать принесу.

Фигура еще постояла с минуту, словно ожидала ответа, а затем исчезла из поля зрения.

Одинцов не успел досчитать до двадцати, как его тюремщик вернулся. Сначала появился всполох света, пляшущий по стенам и решеткам камер, а затем — хромоногий человек в кожаной грязной куртке с развязанными шнурками, кожаных замызганных штанах и сапогах со стоптанными каблуками. Ничего себе, рокер на пенсии. Только металлических заклепок на куртке и штанах не хватало да какой-нибудь фир-

менной футболки и банданы с логотипом известной команды, типа «Ария» или «Iron Maiden». Ничего этого и в помине не было, зато на поясе старичка-хиппаря висел самый настоящий меч в потертых ножнах, хотя похоже, его давно оттуда не извлекали. В одной руке старичок сжимал факел, которым и освещал себе дорогу, а в другой металлическую миску с обещанным ужином.

Остановившись напротив Сереги, хиппи поставил миску на пол и толкнул ее сапогом в камеру. Половина содержимого выплеснулась, а то, что осталось, аппетита не вызывало. В неверном свете факела Сергею удалось разглядеть мутную густую жидкость, в которой плавали какие-то овощи и длинные кожаные веревочки. Далеко не сразу Сергей понял, что эти веревочки являются не чем иным, как крысиными хвостами.

Накатила тошнота. Основательно так накатила. Тут еще и запах сыграл свою злую роль. От миски воняло так тошнотворно, что аж глаза слезились. Серега еле успел допрыгнуть до отхожего места, вонючей дырки в полу с грязными следами вокруг. Явно предыдущие обитатели этой камеры не славились снайперской меткостью. Склонившись над дырой, Серега изрядно облегчил желудок. По крайней мере, теперь окружающая вонь уже не так сильно угнетала его нервную систему и чувствительное обоняние.

— Эк тебя, болезный, проняло. А вот зря ты так. Мамка Фёкла вкусно готовит. Конечно, не как в «Лесном трактире», но тоже вполне себе так аппетитно, — проскрипел тюремщик.

Серега резко распрямился и бросил на него пристальный злой взгляд. Тюремщик отпрянул в сторону. Факел дернулся, осветил его лицо. И не такой уж он старый. А вернее сказать, совсем молодой. Лет двадцать-двадцать пять. Ровесник, стало быть. Только его сильно жизнь покалечила. Впалые глаза, бледный лоб, перекошенное на сторону туловище, шрам через все лицо и почти лысая голова. Если, конечно, не считать с десяток волосинок, размазанных по блестящему черепу.

Но не это удивило и насторожило Одинцова. А слова тюремщика. Вернее, одно название, больно ударившее по нервам. «Лесной трактир». Отчего-то это словосочетание было ему знакомо. И не просто знакомо. С названием трактира были связаны какие-то воспоминания.

— Ты это, дергунчик, пошамкаешь, а миску потом в коридор толкни. И смотри мне, веди себя мирно. А то я вернусь да не один. Чесун тебя быстро научит быть паинькой.

Тюремщик для убедительности погрозил кулаком. Развернулся и побрел обратно. Вскоре камера утонула в темноте.

Серега вернулся на нары. Принял размышлительную позу и крепко так задумался. Теперь у него появилась зацепка. Еще бы понять, что с ней делать.

— Слышь, мужик, тать ты или лиходей мне сие неведомо, да и по барабану. Но если ты жрать не будешь, может угодишь горемыку, — раздался тихий просительный голос.

Похоже, сегодня все сговорились: отвлечь Серегу и не дать ему ничего толкового вспомнить.

Сергей вновь поднялся с нар и выглянул в коридор. Голос доносился из камеры напротив. Только вот ничего увидеть не получалось. Слишком темно.

— Ты кто? — спросил он. И ему ответили.

Это тебя надо спросить. Я-то тут давно сижу, а вот ты новичок. Стало быть, тебе первым представляться нужно.

Сергеем меня зовут. Сергей Одинцов.

— А меня Лехом Шустрым. Или по-простому Шустриком. Так ты пожрать дашь или все-таки сам думаешь шамку угорить?

В соседней камере тени пришли в движение и к решетке прильнуло худое, если не сказать истощенное, тело паренька в драных обносках. При одном взгляде на него впечатлительные мамы бы прослезились. На второй взгляд времени не осталось бы. Начали бы откармливать.

— Да. Сейчас. Попробую.

Серега склонился над миской, взял ее в руки и попробовал просунуть сквозь прутья решетки, чем вызвал приступ глухого сдерживаемого смеха у нового знакомого.

— Это кто же так... Ты чего... По полу толкай... По-другому не пойдет, умник...

Одинцов поставил миску на пол и толкнул в сторону камеры напротив. Несильно так толкнул. Боялся расплескать оставшееся. В результате миска встала в коридоре аккурат между камерами. Эта неудача вызвала у Шустрика приступ

грязных ругательств, среди которых самое безобидное было относительно умственных способностей соседа.

— Эй вы там, шумельцы, уймите звук, — слышался издалека скрипучий голос тюремщика. — А то я Чесуна выпущу.

Лех Шустрик ругаться тут же перестал, а через минуту вновь раздался его голос. На этот раз он говорил еще тише.

— Что же ты такой косорукий?!

— Ну, извини, — почему-то Сереге стало очень стыдно, что у него не получилось угостить своей баландой соседа.

— Ладно. Не беда. Сейчас чего-нибудь скумекаю, — пообещал Лех и растворился в темноте камеры.

Несколько минут ничего не происходило. Слышалась только какая-то возня. И вскоре возле решетки материализовался Лех. Он разлегся на полу, высунул руку в проход и попытался зацепить миску. В руке он держал какой-то крюк, значительно ее удлинивший. И ведь получилось. Миска заскользила по полу, расплескивая жидкость и исчезла в камере. Вскоре оттуда донеслось довольное чавканье.

Серега представил себе, как он ест содержимое миски, и его чуть второй раз не стошнило. Удалось взять себя в руки. Подумал о хорошем. Вскоре пустая миска вылетела обратно в коридор, а возле решетки показался сытый и довольный Лех.

Вот это уже другое дело. Спасибо тебе, дружище, за угощение. Только вот если ты будешь от еды нос воротить, то не ровен час копыта откинешь. Шамка, конечно, отвратительная, но с голодухи и не такое есть доводилось. Вот мне однажды на погосте ночевать пришлось... Хотя постой, вру. Я там почи-тай семь дней коротал. Это было после того как меня в одном селе собаками потравили. Вот что за люди. Подумаешь, увел пару гусей со двора. Но собаками то за что. Так вот, на погосте мне довелось свонравца отведавать. Гниль-зверька. Вот это я тебе скажу жуть ужасная. Но делать, как говорится нечего, жрать захочешь, и свонравец покажется райским кушаньем.

А что это за свонравец такой? — спросил зачем-то Сергей. И сразу же сам пожалел об этом.

— Чудак-человек, в первый раз вижу, чтобы кто-то не знал, кто такой свонравец. Погодь, сейчас расскажу. Свонравец-то. Это гниль-зверек. Маленький такой, длинный, весь в меху.

Точно змея на лапках. Живет под землей. Редко на поверхность выбирается. Питается в основном покойниками. Любит тех, которые уже с душком. Тварь ужасная. Селяне с ними борются. Пытаются вытравить, но если уж такой на погосте завелся, то хана погосту. Расплодятся и всех упокойничков обожрут. А им, мертвякам-то, обидно станет, что с ними так обошлись. Вернутся мороками да начнут деревню страшить. Пока всех не застрашают насмерть, не успокоятся. А во всем этом виноват маленький такой гниль-зверек, тварюшка вонючая.

Одинцову, как только представил себе зверюшку, поедающую трупы, да как Лех ею питался, поплохело моментально. Опять выворачивать стало. С трудом с собой справился. И что это с ним творится. Никогда особой чувствительностью не отличался. Ужастики очень любил. Правда, смотрел их большей частью, как комедии. А уж «Живую мертвечину» еще на видеокассете в свое время до дыр в пленке засмотрел. Но ведь одно дело кино, а другое жизнь. И жизнь, по всей видимости, очень и очень нехорошая.

— Ты чего так распереживался. Не бери в голову, давно это было. А от желудочного клеща я почти сразу и излечился, — попытался приободрить его Лех.

Сергея решил, что пора разговор в другое русло переводить. А то от местных гастрономических изысков его уже порядком воротило.

— А ты уже тут давно сидишь? — спросил он.

— Да уж с неделю почитай. На прошлый Бабий день меня и повязали. И ведь пустяк, безделица. Ничего серьезного то не сотворил, а неделю тут кукую.

— За что тебя?

Лях заунывно так просвистел, прежде чем ответить:

— Бабенку одну в уголке притиснул. Она-то в принципе и сама была не против. Пару дней до этого все глазами в меня стреляла, как на базаре встретимся. А тут я, голова дырявая, совсем об этом проклятушем Бабьем дне-то и забыл. В общем, выбрал не то время, чтобы с милашкой обниматься. Оно-то и ничего, может, было бы, если бы нас ее матушка не застукала. Вот тут крику на весь двор было. А после этого за стражниками послали да меня под белы ручки в этот подвал и отволокли.